

Машина, которая не останавливается

Анастасия Поверенная: четыре десятилетия взгляда
на Россию глазами бывшего пропагандиста

I. Женщина с кафедры

В 1982 году в эмигрантской печати появился текст, который не произвёл сенсации. Ни расстрелянных рукописей, ни лагерных этапов, ни диссидентского героизма — ничего из привычного набора советской исповедальной прозы. Автор — Анастасия Поверенная, 1939 года рождения, бывший лектор-консультант Политуправления Ленинградского военного округа. Должность — подполковничья. Звание — нет; она гражданская. Но в системе координат советской пропаганды это было место с хорошим обзором: видно и верх, и низ, и механизм, который их соединяет.

Очерки назывались «Сойдя с трибуны». Буквальное название: человек спустился с возвышения, на котором стоял, и рассказывает, что видел оттуда. Не сверху вниз. Уже на одном уровне с теми, перед кем выступал.

Она окончила два института — механический и педагогический, дважды прошла Институт марксизма-ленинизма, работала секретарём райкома комсомола в Муроме, директором Дома культуры, возглавляла лекторий общества «Знание» в Великом Новгороде. объездила страну от Крайнего Севера до Средней Азии. Читала по тридцать лекций в неделю. Была, по собственному признанию, частью «партийной элиты» — с привилегиями, доступом и уважением коллег. И всё это бросила, подав на выезд.

После трёх лет «отсидки» — так она называет время ожидания разрешения, когда работать уже не дают, а уехать ещё не

позволяют, — Поверенная эмигрировала с семьёй. Вена, Западный Берлин, а с 1985-го — Мюнхен, где она проживёт более сорока лет. Муж, бывший блокадник из репрессированной польско-католической семьи, умрет через четыре года после отъезда. Ей будет сорок. Две маленькие дочери. Чужая страна. И навык, который больше не нужен: убеждать.

II. Механизм, увиденный изнутри

Что ценного в тексте 1982 года — это не разоблачение, а **техническое описание**. Поверенная рассказывает, как устроена машина пропаганды, с точностью инженера, описывающего конвейер.

Вот установка идеологического отдела ЦК: любое выступление лектора должно быть «увязано» с жизнью конкретного коллектива. Приезжаешь в Архангельск — заучиваешь названия передовых заводов, фамилии руководителей, цифры пятилетки. Создаёшь иллюзию: «человек из центра» всё знает, «наверху» о вас помнят. Слушатели счастливы. Контакт достигнут. Доверие к советской власти укреплено.

Вот трёхступенчатая сортировка записок из зала. Первая кучка — вопросы для лектора: безопасные, демонстрирующие «правильную атмосферу». Вторая — для местного начальства: мелкие жалобы. Третья — уничтожается. В ней: про лётчика-перебежчика Беленко, про скрытые военные расходы в бюджете, про личное стадо финского президента в советской тундре. Семь записок на восемьсот человек — «меньше одного процента, а всё, что меньше процента, — не стоит внимания». Так её учили.

Вот леспромхоз в Архангельской области. Лектор приезжает, а зал пуст: рабочие выпрыгнули в окна и убежали сажать огороды. «Если их вовремя не засеять, осенью есть будет нечего». Парторг обещает наказать тринадцатой зарплатой и просит «не докладывать».

Вот швейная артель «Труд». Работница дёргает лектора за рукав: «Хорошо рассказываешь, а вот ты нас послушай!» Материал для одной бригады тоньше и лучше, чем для другой; детский садик

полгода закрыт; директор ворует. А лектор рассказывает «о проблемах свободного времени».

Вот военная часть, укомплектованная киргизами. Лекция о задачах комсомола. Солдаты сидят тихо, не шевелясь. После выступления замполит объясняет: они по-русски не понимают. «Только общие команды». Майор утешает: «Не огорчайтесь. Вреда от этой лекции нет, а польза — политическое воспитание для них началось!»

Этот эпизод — не анекдот. Это диагноз. Система не заинтересована в понимании; она заинтересована в **процедуре**. Лекция прочитана — графа заполнена. Вопросы отсортированы — атмосфера зафиксирована. Слушатели не поняли ни слова — но «начало положено». Пропаганда работает не тогда, когда убеждает, а тогда, когда создаёт видимость убеждения. Отчётность важнее результата. Ритуал важнее смысла.

III. Параллель первая: «КГБ — авангард КПСС»

В книге «Крутые берега» (2021) Поверенная вспоминает своего мюнхенского друга — Фридриха Незнанского, бывшего московского следователя, автора детективов. В его романе «Ярмарка в Сокольниках» (1984) один из персонажей произносит формулу, которую Поверенная выделяет как пророческую:

«Маркс сказал: победят красные... Но ещё больше я верю нашему русскому человеку — Ульянову-Ленину, который открыл замечательный закон: "диктатура пролетариата есть власть, никакими законами не ограниченная, и опирается эта власть на насилие"... Время лишь сменило акценты. Сначала вместо диктатуры пролетариата возникло другое понятие — партия коммунистов. Теперь... диктатура принадлежит нам — Государственной безопасности! Мы — партия в партии... КГБ — авангард КПСС!»

Поверенная комментирует одной строкой: «Нужны ли объяснения???»

Написано это в книге, вышедшей в 2021 году. Но цитата из 1984-го. А читается так, будто описывает 2000-е — момент, когда выпускник Высшей школы КГБ занял президентское кресло. Незнанский не прогнозировал; он **описывал логику системы**, которая неизбежно приходит к этой точке. Поверенная, бывший лектор общества «Знание», работавшая при Политуправлении, эту логику знала не из книг — она была её частью. И именно поэтому параллель для неё не метафора, а буквальность.

IV. «Сталинизм перерастает в путинизм»

Вторая книга Поверенной, «Линии жизни» (2025), устроена иначе — это россыпь заметок, записей, переписки с друзьями, короткие эссе. Не мемуары, а **дневник осознания**: как бывший пропагандист, получивший свободу, наблюдает за тем, как страна, которую она покинула, движется по знакомой траектории.

Ключевой эпизод — встреча с Владимиром Войновичем в Мюнхене. Литературные посиделки, скромный стол, «под первую рюмочку Володя что-нибудь читает». На одном из вечеров он прочитал рассказ о Сталине в ночь на 22 июня. Заговорили о возрождении сталинизма. А дальше — фраза Поверенной, которая звучит как приговор:

«Мне вспомнилась недавняя передача в интернете, где вчерашние новобранцы в какой-то воинской части принимали присягу, стоя на коленях и целуя знамя с портретом Путина. Так что на наших глазах сталинизм перерастает в путинизм».

Для человека, который двадцать лет читал лекции в армейских клубах, эта деталь — не публицистический эффект. Это профессиональное наблюдение. Она знает, как устроен армейский ритуал: присяга — самый формализованный, самый контролируемый акт в армии. Если в него встроены портрет живого правителя, это не спонтанность — это **система**. И система эта ей знакома.

V. «Мне стыдно»

Февраль 2022 года Поверенная встречается в Мюнхене. Ей 82 года. Запись из «Линий жизни»:

«Сейчас, в уютном Мюнхене, мне очень неуютно, когда включаю компьютер и читаю военные новости грязной войны моего большого дома, моей Родины, в Украине. Снова бомбят, уничтожают города и убивают мирных людей и детей, только теперь — это наши, это россияне, и мне стыдно. Мне стыдно даже перед моими дочерьми и внучкой, которых я вырастила в любви к Родине, её культуре, литературе и к их хорошему русскому языку...»

Она звонит сводной сестре в Смоленск, спрашивает — попал ли её внук под мобилизацию. Ответ: «Пока нет, но пойдёт воевать как миленький, а если бы я была бы помоложе, я бы тоже ушла на фронт».

Поверенная записывает: «Мне больно и страшно — путинизм в России жив... и что дальше?»

Это не журналистская констатация. Это столкновение двух реальностей, которые когда-то были одной семьёй. Сестра в Смоленске и сестра в Мюнхене — выросшие в одном доме, видевшие одну войну, потерявшие одного отца. Одна из них считает, что государство — это Родина. Другая знает, что государство — это машина, которая Родиной только притворяется.

И вот здесь Поверенная выходит на самую болезненную территорию. Она ведь тоже когда-то путала государство с Родиной. Тоже читала лекции «о превосходстве советского образа жизни». Тоже считала, что «процент каверзных вопросов» — надёжный показатель лояльности аудитории. Разница — не в интеллекте и не в нравственности. Разница — в том, что одна из них оказалась по ту сторону занавеса и увидела его с изнанки.

VI. Параллель вторая: бункерный фюрер

Поверенная — не из тех, кто избегает прямых сравнений. В записях 2022 года она сопоставляет Путина с Гитлером, причём делает это не через лозунг, а через текст — через «Шпандау: Тайный дневник» Альберта Шпеера:

«Нынешний, российский бункерный фюрер, книг, наверное, не читает, но знает итог жизни того, кто хорошо объяснил миру слово "война"».

Она цитирует Шпеера: Гитлер в 1942 году в ставке на Украине планирует наступление на юг Кавказа, поддержку повстанцев в Иране и Ираке, контроль над всей Европой — от Норвегии до Хорватии, от Балтики до Украины и России. И добавляет: «Мне было странно читать, что Гитлер отделил Украину от России». Живой труп, бункерный фюрер, «пытается не отстать от своего предшественника, хотя итоги той войны он знает. На что он надеется? Но зато уже никто не спрашивает: "Кто Вы, мистер Путин?" — Ответ один — убийца!!!»

Три восклицательных знака. Для бывшего пропагандиста, обученного дозировать интонацию, — это крик.

VII. Отзыв из Смоленска, или Зачем пропаганде не нужен интернет

Самый показательный эпизод — не из публицистики, а из частной жизни. Поверенная послала в Смоленск две свои книги: одну — сестре, вторую — с просьбой передать в исторический музей как документальное свидетельство эпохи. Ответ сестры:

«Книгу прочла от корки до корки. Более плохой книги я в своей жизни не читала. Теперь понимаю, почему ты за границу сиганула, чтоб собрать такую грязь о нас всех и о нашем Путине. Что он тебе сделал? Ты его не любишь, а мы любим и нам с ним жить... Эта книга — позор для всех нас и тебе незачем теперь приезжать на смоленщину».

Вот он — результат, ради которого существует пропагандистская машина. Не убеждение, нет. **Присвоение**. «Наш Путин». Сестра не защищает политическую программу — она защищает чувство принадлежности. Путин — это «наш», а значит, критика Путина — это критика «нас». Поверенная знает эту механику — она сама двадцать лет её обслуживала. «Человек из центра, который всё знает» — тот, кто приезжал в леспромхоз и швейную артель, работал по тому же принципу: создавал ощущение, что «наверху о вас помнят», а значит — «мы с вами одно целое».

Разница лишь в том, что в 1970-х для этого нужен был лектор с портфелем. А в 2020-х хватает телевизора.

VIII. «Единственное, что в ней было хорошего...»

В «Линиях жизни» есть неожиданное признание. Наблюдая за современными российскими пропагандистами — ютуберами, телеведущими, «политологами-специалистами», — Поверенная пишет:

«Возвращаясь памятью к бывшей советской пропаганде, хочу сказать: единственное, что в ней было хорошего — нас учили с уважением относиться к аудитории, к зрителю».

Это — не ностальгия. Это — профессиональный диагноз. Старая школа пропаганды требовала **работы**: выучи местные реалии, запомни имена, создай контакт. Новая — не трудится. Караулов «обещает, что будет интересно», профессор Соловей «уверяет, что пользуется только проверенными источниками чуть ли не кремлёвской власти», все «заверяют нас, что Путину осталось недолго — день, неделя, месяц», — и ни один не может предсказать «где, что и когда».

А ещё — деталь, которую может заметить только человек, проработавший в Политуправлении: когда Путин публично угрожает ядерным оружием, Поверенная пишет из своего мюнхенского «недоумения бывшего лектора-пропагандиста»: тема производства оружия всех видов в советской пространстве

«была категорически запрещена». Даже лекторам, работавшим с военными, не позволялось обсуждать конкретные вооружения. «Мы просто сообщали, как успешно мы боремся за мир во всем мире и что наш бронепоезд стоит на запасных путях». Если советская пропаганда **скрывала** силу, чтобы выглядеть миролюбивой, то нынешняя **выставляет** силу, чтобы выглядеть опасной. Инструмент тот же — ложь. Направление — противоположное.

IX. Горбачёв: «Не начни я перестройку...»

Поверенная брала интервью у Горбачёва в Москве после его отставки. Его первые слова: «**Не начни я перестройку, я бы и сегодня сидел в моём президентском кресле**». Она вспоминает об этом в связи с его похоронами в 2022 году: «Страна в омуте и это показали похороны». Но и в омуте она видит «чистые брызги» — москвичей, пришедших проститься.

Ещё раньше, в Германии, Поверенная читала лекции о том, почему перестройка была невозможна. Ей отвечали: «Вы обижены советской властью, поэтому не можете говорить иначе». Это — ключевой приём нейтрализации: любое свидетельство изнутри системы объявляется субъективным, «обиженным», а значит — нерелевантным. Механизм работает и сегодня: любой эмигрант, критикующий Россию, автоматически получает ярлык «обиженного», «предателя», «не понимающего нашей жизни». Сестра из Смоленска формулирует ровно так: «Что ты, вообще, знаешь о нас и нашей жизни».

X. «Мы — отщепенцы»

Характерная деталь: Поверенная и Восленский (автор знаменитой «Номенклатуры») оказались в Мюнхене примерно одновременно. И оба столкнулись с одинаковым отношением. «Нас, бывших партийных и обласканных в прежней жизни, называли и Дома и в эмиграции — отщепенцами. Некоторые нас даже называли "засланными казачками" и были убеждены, что КГБ и ГРУ нам доплачивают».

Это — двойной капкан. Для оставшихся ты — предатель. Для уехавших — подозрительный. Бывший пропагандист в эмиграции не может быть «чистым» ни для одной стороны. И это, возможно, самая честная позиция из возможных: быть чужим для всех.

Но ведь именно бывшие «обласканные» знают систему лучше всех. Диссидент знает, как система давит. Обычный человек знает, как система обманывает. А пропагандист знает, **как она обманывает и зачем**. Он знает рецептуру.

XI. Навальный: «Ни один из нас, но — среди нас»

К Навальному у Поверенной отношение сложное — и она не скрывает этого. «Я плохо знаю Навального, точнее, его какое-то мутное прошлое, но сегодня я его зауважала: человек способен на поступок — вернуться в Россию, вернуться в тюрьму... Это дорогого стоит!»

Позже, когда Навальный уже в заключении: «У меня сложное отношение к этому человеку. На собственный вопрос: "Кто ты такой?" — отвечаю себе же: он — ни один из нас, он — среди нас, и это меняет моё представление».

Для бывшего советского пропагандиста, который всю жизнь работал с категориями «мы» и «они», это — принципиальный сдвиг. Навальный не вписывается ни в одну из знакомых ей схем: он не диссидент в классическом смысле, не эмигрант, не «партийный отщепенец». Он — что-то новое. И именно это «новое» заставляет Поверенную пересматривать свою картину мира в 82 года.

XII. Машина, которая не останавливается

Если собрать все тексты Поверенной — от очерков 1982 года до записей 2024–2025-го — в одну линию, проступает не биография, а **диагноз**. Не одного человека, а целой системы. И диагноз этот прост: машина не останавливается.

В 1970-х она сортировала записки из зала на три кучки — и третью уничтожала. В 2020-х записки из зала никто не пишет — их пишет интернет, а уничтожает Роскомнадзор. В 1970-х парторг запирает двери клуба, чтобы рабочие не сбежали с лекции, — а они прыгали в окна. В 2020-х двери запирают не нужно — телевизор сам приходит в каждый дом, и в окна не выпрыгнешь. В 1970-х лектор заучивал местные цифры, чтобы создать иллюзию заботы «сверху». В 2020-х эту иллюзию создают четыре с половиной часа «прямой линии», где президент обещает разобраться с каждой жалобой — и даже иногда разбирается.

Инструменты поменялись. Принцип — нет.

Поверенная написала однажды: «Сойдя с трибуны советского пропагандиста, я больше не участвую во лжи». Ей понадобились годы, чтобы понять, что трибуна — это не место. Трибуна — это **привычка**. Привычка делить мир на «наших» и «чужих», на «правильные» и «запрещённые» вопросы, на проценты лояльности и проценты угрозы.

Она сошла с этой трибуны. Россия — нет.

Источники: А. Поверенная, «Сойдя с трибуны» (очерки, ~1982); А. Поверенная, «Крутые берега» (Мюнхен, изд. Вела, 2021); А. Поверенная, «Линии жизни» (Мюнхен, ImWerdenVerlag, 2025); интервью журналу kudryats2019.com (июнь 2025).